

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

Образ мира в рассказе А. П. Платонова «Никита»: мифопоэтический аспект

Светлана Анатольевна Скуридина¹, Елена Олеговна Кузьминых²
Надежда Борисовна Бугакова³

¹⁻³ Воронежский государственный технический университет
Воронеж, Россия

¹ saskuridina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

² eleshka-82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

³ ya_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Аннотация

Проанализирован рассказ А. Платонова «Никита», первоначально названный писателем «Добрый кит», в котором окружающая действительность представлена через восприятие пятилетнего мальчика, ежедневно преодолевающего сиротство. Он наделяет одушевленностью, разумом и чувствами видимые им предметы и определяет их через термины родства, имена собственные и другие языковые единицы, освоенные к этому возрасту. В мифологической картине мира Никиты существует «свое», которое связано с образом дома и двора, отгороженного забором от «чужого». Ежедневно выполняя функцию хозяина, которую отводит ему мать, Никита должен сохранять гармонию окружающего его мира – жить смиренно, т. е. в родстве со «своим» миром, не допуская никого чужого и не лишая жизни поименованных, а значит, одушевленных обитателей.

Ключевые слова

А. П. Платонов, «Никита», «Добрый кит», «Добрые люди», сиротство – родство, термины родства, бинарные оппозиции, свое – чужое, жизнь – смерть, антропонимы, антропоморфизм, персонификация, пространство, время

Для цитирования

Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б. Образ мира в рассказе А. П. Платонова «Никита»: мифопоэтический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 142–152. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

The Image of the World in A. P. Platonov's Short Story *Nikita*: A Mythopoetic Aspect

Svetlana A. Skuridina¹, Elena O. Kuzminykh², Nadezhda B. Bugakova³

¹⁻³ Voronezh State Technical University
Voronezh, Russian Federation

¹ saskuridina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

² eleshka-82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

³ ya_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Abstract

Purpose. The article analyzes the story *Nikita*, which is important for the work of A. Platonov. It was originally named *The Kind Whale* and was included into the cycle *Good People*.

© Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 142–152

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 142–152

Results. The authors identify the mythological picture of the world implementation features in the story. It is noted that the writer represents the reality through a perception of a five-year-old boy who gives animation, reason and feelings to visible objects around him, which are perceived by the hero through kinship terms, proper nouns, and other linguistic units mastered by this age. In Nikita's mythological picture of the world there are "his own" things, which are associated with the image of a house and a yard, fenced off from the "stranger" things. Being appointed daily to the role of master by his mother, Nikita must preserve the harmony of his world – to live quietly, that is, in kinship with "his" world, not allowing anyone else and not depriving of life named, and therefore animate, inhabitants. Violation of the maternal covenant has negative consequences: "one's own" and "someone else's" change places, instilling fear in Nikita, which he had not experienced before, because he lived in the world of objects and phenomena created and named by him, and therefore, endowed with life.

Conclusion. The opposition "life – death" acquires an additional meaning from A. Platonov, including the opposition "kinship – orphanhood": the one who is related to the world remains alive, and orphanhood is perceived as detachment from the world, loss of connection with it, which is equal to death.

Keywords

A. P. Platonov, "Nikita", "The Good Whale", "Good people", orphanhood – kinship, kinship terms, binary oppositions, one's own – another's, life – death, anthroponyms, anthropomorphism, personification, space, time

For citation

Skuridina S. A., Kuzminykh E. O., Bugakova N. B. The Image of the World in A. P. Platonov's Short Story *Nikita*: A Mythopoetic Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 142–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

Мотив сиротства, по мнению исследователей, является одним из основополагающих в творчестве А. Платонова (см. [Спиридонова, 1998; Грязнова, 2011] и др.). К. Г. Исупов выделяет «коллективное» сиротство как следствие губительной обособленности платоновских героев и отмечает, что состояние сиротства характерно не только для людей, но и для вещей, которые, «как люди хотят выйти из круга сиротства, влиться в общую жизнь, найти свой смысл в таком мире, о котором сказано, что он – "страна бывших сирот" и в котором пространство между "прочими" и "другими" без остатка заполнено "вещью дружбы"» [Исупов, 1992, с. 104]. По мнению Н. В. Корниенко, «сиротство героев А. Платонова – это не индивидуальная черта их характера, а знак-символ разрушенной целостности национальной жизни и обезбоженья мира» [Корниенко, 1991, с. 330]. Сам А. Платонов в литературно-критической статье, посвященной повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», говорит о важности любви ребенка к своей матери и к своему отцу для будущей жизни, «потому что мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется – и воспитанная в нем любовь, возжженное, но уже не утоляемое чувство, обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство» (Платонов, 2012, с. 84)¹.

В 1945 г. Андреем Платоновым был написан рассказ, названный автором «Добрый кит» и включенный им в цикл «Добрые люди». Однако рассказ увидел свет под другим названием – «Никита» («Мурзилка» (№ 4; 7), «Новый мир» (№ 7). Вариативность названий является одной из характерных особенностей творчества А. Платонова 30–40-х гг. (например, рассказы «Глиняный дом в уездном саду» («Нужная родина»), «Машинист Мальцев» («В прекрасном и яростном мире») и др.).

Главный герой рассказа – пятилетний Никита. Платоновский рассказ, жанр которого определяется как философская притча [Яблоков, 2019, с. 38], построен на контрасте между «детской» фабулой и «взрослой» проблематикой. А. Платонов в рассказе представляет окружающий мир глазами пятилетнего ребенка, мать которого ежедневно уходит на работу, а отец «умирает» на войне. Мать и Никита живут, ожидая его возвращения, при этом оба высказывают мысль о том, что отца у мальчика нет: «Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету», «тут добро наше, а отца нету» (с. 126). Полагаем, такое отношение к отсутствию отца связа-

¹ В дальнейшем ссылки на тексты А. Платонова приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

но с тем, что он не только часть семьи, но и своего, домашнего, пространства, его хозяин. И, пока он не вернется, Никита живет как сирота, «с миром один». Данная мысль подтверждается тем, что мальчик перестает быть одиноким и ощущает пространство как «свое», только когда отец возвращается «век вековать» («векование» – это «житье или пребывание где-либо, все на одном месте, в одном положении или состоянии» (Даль, 1880, т. 1, с. 339)). Как указывает Е. А. Яблоков, «сирота для писателя – метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках. В философском смысле сиротство – знак неразвитости связей человека с миром. Но одиночество, сиротство – это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей» [Яблоков, 1990, с. 65], поэтому предсказуемо стремление Никиты к восстановлению «родства» с миром.

Ежедневно назначаясь матерью на роль хозяина, Никита продолжает оставаться ребенком и чувствует свое одиночество и незащищенность пространства, в котором он находится, от проникновения в него чужих существ. Это приводит мальчика к восприятию окружающего его мира через знакомую ему систему родственных отношений, в результате чего одушевляются такие предметы, как банька и избушка, превращаясь в бабушку, и даже далекое солнце предстает в образе любимого дедушки, а в колодце и бочке поселяются никому не известные, кроме Никиты, маленькие жители. Вступление в родство необходимо герою для снятия чувства опасности, что соответствует русским культурным традициям, рассматриваемым в работе С. М. Толстой [2009, с. 19]. Жилище в народных представлениях может уподобляться телу человека, «например, в обрядах, сопровождавших рождение ребенка (и особенно при трудных родах) придавалось особое значение открыванию дверей дома, который мыслился, таким образом, женским телом» [Байбурин, 1983, с. 61].

Как указывает А. Ю. Грязнова, «сюжет сиротства, завершающийся обретением родства, почти всегда предполагает у Платонова победу над смертью. Смерть – явление, с которым платоновские герои не могут примириться, потому что зачастую именно смерть становится причиной их сиротства» [Грязнова, 2011, с. 114]. Таким образом, мифологическая оппозиция «жизнь – смерть» приобретает у А. Платонова дополнительный смысл, включая в себя противопоставление «родство – сиротство»: живым остается тот, кто в родстве с миром, а сиротство, воспринимаемое как отстранение от мира, утрата связи с ним, подобно смерти. О необходимости быть в гармонии с миром говорит мать Никиты: «ты живи смиренно один» (с. 127), где «смирно» тождественно понятию «вместе с миром».

Стоит обратить внимание на то, что у членов семьи Никиты отсутствуют имена. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что А. Платонов в рассказе представляет мир глазами пятилетнего ребенка, для которого лексемы «бабушка», «дедушка», «мама» выполняют, как имена собственные, идентифицирующую функцию; с другой стороны, термины родства, используемые традиционно в качестве эквивалентов антропонимов, способствуют осознанию Никитой собственной включенности в мироздание как одного из членов рода. Как указывает С. М. Толстая, «категория родства имеет не только биологическое, социальное, психологическое, ритуальное, языковое, литературное измерение, но и мифологическое содержание и магические функции поддержания жизни, устойчивости и безопасности людей в этом мире» [Толстая, 2009, с. 19]. Упоминание бабушки и дедушки помогает писателю выстроить историю рода, продолжением которого является Никита («ср. многозначность таких семантически соотносительных слов, как “баба” и “дед”, символизирующих бинаризм женского и мужского начала и вместе с тем, благодаря своей позиции в системе родства, получающих общее значение “предков”») [Там же, с. 12]).

Включая Никиту в систему родства (см. подробно: [Бугакова и др., 2024]), А. Платонов транслирует важную мысль о бесконечности жизни, поэтому, когда отец возвращается с войны, где он до этого «умирал», чтобы жить с семьей «веки вечные», – Никита ощущает, что его мир получает определенность, временную и пространственную локализацию: «Теперь уж век буду с тобой вековать», – говорит отец при первой встрече сыну (с. 132).

Возвращение отца – это восстановление рода как бесконечности рождений и смертей. Передача рода по мужской линии – природный процесс, именно поэтому старший в поколении характеризуется Никитой символом, обозначающим циклическое время, – дедушка-солнце. В этом контексте важной является фраза: «Отец знал, что Никита родился у него добрым» (с. 133).

Порождающее начало у А. Платонова мужское, но мать кормит молоком и поэтому поддерживает жизнь (внутри цветка, который сломал Никита, не сок, а молоко, которым питает его земля). И. А. Спиридонова, рассматривая мотив сиротства в романе «Чевенгур» в свете христианской традиции, указывает, что «в творчестве Платонова, опирающемся на народную философию жизни, мать есть природная, физически заданная связь человека с миром, отец – институт социальной и духовной преемственности. Авторитет отца является высшим в традиции народной жизни, на что указывает ее название – патриархальная» [Спиридонова, 1998, с. 516–517]. Подобное отношение к отцу А. Платонов вынес из своей семьи, отразив преклонение перед отцом в выбранном псевдониме и в имени сына.

По своей функции мать у А. Платонова соотносима с мифологемой «мать-сыра-земля», образ которой олицетворяет собой рождающее и плодоносящее начало (см. подробно: [Скуридина и др., 2022]). Интересно, что «в мифологеме Мать-сыра-земля наблюдается объединение двух дифференциальных признаков: “рождение” и “смерть”. Земля – рождающее лоно и могила, в которую уходит после смерти человек» [Пименова, Мошина, 2021, с. 146].

Как амбивалентный образ земля предстает и в рассказе А. Платонова. С одной стороны, ее подземная часть – это враждебное чужое пространство, где обитают мертвые («кубийство» Никитой цветка пробуждает хтоническое начало и актуализирует образ земли-могилы): «Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябятся руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца» (с. 130).

Под землей находятся норы, и в них, по мнению Никиты, обитают змеи. Змея – хтоническое животное, связанное с подземным миром мертвых, поскольку живет под землей, в норе. Антагонистом змеи является солнце [Гура, 1997, с. 282–287]. Никита боится, что змеи поползут ночью, укусят мать, и та умрет. Страх Никиты объясняется народными поверьями, в которых говорится, что спасти от укуса змеи может только солнце, которого ночью нет. Всё, что страшит мальчика, находится во тьме или, что также обусловлено отсутствием света, под землей: бочка, лес, баня, частично ушедшая под землю, змеи в норах, великан в колодце. Сени в доме тоже связаны с подземным пространством, там земля, на которой воробей, перейдя порог, хочет найти зерно (как известно, зерно «имеет устойчивую семантику “плодородия”, “богатства”, связанную с циклическим характером смерти – воскрешения природы» [Байбурин, 1983, с. 66].

Появляющийся в доме воробей, как и змея, имеет хтоническую сущность. Интересно, что птица упоминается в тексте дважды. Во второй раз с воробьем сравниваются «маленькие водяные люди» (с. 128), живущие в колодце («ростом они были с воробья» (с. 128)), при этом говорится о том, что «они, должно быть, хотели выпить у Никиты глаза, когда он спал» (с. 128). И в этом стремлении воробей коррелирует со змеей, которая, согласно поверьям, «высосала» глаза у солнца [Гура, 1997, с. 283]. В сенах, куда проникает воробей, обитают пауки и жирные мухи, связанные в народной культуре с гадами, а в толкованиях снов «мухи часто предвещают смерть» [Там же, с. 440]. Таким образом, пространство, в котором живут мать и мальчик, в отсутствие отца не может защитить их, поскольку проницаемо для нечисти. Именно поэтому отец, возвращаясь домой, прежде всего готовит доски, для того чтобы перестелить пол и отгородить дом и семью от подземного мира.

С другой стороны, земля – мать, которая дает «молоко» растениям и людям, питая их. Никита всё время пытается отправить страшных существ обрабатывать землю, чтобы сделать их своими, живыми, нестрашными, поскольку земля, обработанная человеком, дает пищу, которая питается соками земли, но на поверхности и под солнцем. Не случайно с солнцем и теплом связан в рассказе образ хлеба: изба – тётка чужая – ругается, что его родили

«на свет», чтобы он хлеб жевал. Когда Никита убивает цветок, пространство двора начинает стремительно превращаться в чужое, Никита, испытывая страх, хочет бежать в поле к матери, но падает на землю и ползет на животе, становясь похожим на змею. Его спасает появившийся из-за облака дедушка-солнце, который помогает не стать частью подземного мира.

Никита ощущает себя частью семьи, когда упоминает о дедушке, матери, бабушке, и частью мира, когда в качестве хозяина обходит владения и проверяет, как ведут себя выдуманные им существа. Обитатели Никитиной вселенной обычно реагируют на него по-доброму («пень молча улыбался Никите» (с. 129)), пока мальчик не погубил желтый цветок, который представлялся ему грудным ребенком, сосавшим свою мать: «...вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием» (с. 130). В результате совершенных мальчиком действий происходит разрушение гармонии в Никитином мире – созданные детским воображением жители начинают вести себя как обитатели чужого пространства, желающие наказать его за причиненное им зло: изба «смотрела на него, как прохожая старая тетка из дальней деревни, и шептала ему: “У-у, непутевые, нарожали вас на свет – хлеб пшеничный даром жевать”» (с. 130–131). «Свое» и «чужое» пространства меняются местами, поэтому мальчик спешит выбраться за пределы двора, куда раньше нельзя даже было пускать чужого петуха, а теперь проникают чужие звуки и кто-то другой, а не Никита, дает имена обитателям: «И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул: “Максим, ты где?” – “В земле!” – глухо отозвался пень-голова» (с. 131).

Предстоящие изменения предсказаны А. Платоновым в эпизоде, в котором говорится о потере ножниц. Их, по мнению Никиты, взял «маленький, а живой человек», «чтобы обрезать себе бороду» (с. 127). Устройство ножниц, представленное в загадке «два кольца, два конца, а посередине гвоздик», делает их амбивалентным символом, поскольку кольцо – это бесконечность, а острие – конечность жизни. Отнять ножницы у выдуманного Никитой обитателя бочки должен отец, когда вернется с войны, в связи с чем символически значимым становится эпизод, в котором Никита с отцом выпрямляют гвозди. Сработанный Никитой гвоздь, который может соединять разные элементы, в том числе и части пропавших ножниц, – это человек, жизнь которого одновременно конечна, если он живет не с миром, а один, и бесконечна, если он ощущает родство с миром.

Пытаясь восстановить границы своего и чужого, Никита прибегает к терминам родства, являющимся своего рода оберегами, и зовет мать («К нам во двор чужие пришли и живут» (с. 131)), но она не слышит, к бабушке нет смысла обращаться, так как «щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него как на чужого» (с. 130) сразу же после поступка с цветком. (Изменение в отношении к внуку предопределяется семантикой бани, которая обычно располагалась «на задах» или вообще выносилась к границе селения, поближе к воде. Удаленность от жилища, близость границы с «неосвоенным» пространством является одной из причин маркированности бани в сфере отрицательных значений [Байбурин, 1983, с. 35].) Тогда Никита обращается к своему дедушке-солнцу, скрывающемуся за облаком, и получает его поддержку: освещенный солнцем мальчик, ползущий, подобно змее, все-таки находит силы встать, чтобы устремиться в пространство, где находится его мать, однако за пределами двора «в тени овина на околице» (с. 131) герой засыпает, а после пробуждения и возвращения домой происходит желанная встреча не только с матерью, но и с отцом.

Показательно, что сон настигает Никиту около овина, который расположен на околице. Околицей изначально называли деревянную изгородь, окружающую деревню и служившую границей, обозначающей край села. В сознании человека с мифологическим мировоззрением околица – это важный топос, связанный с непрямой дорогой, которая делит окружающий мир на организованное человеком пространство и пространство, принадлежащее стихиям и духам природы (лугов, полей, лесов, рек, ручьев, деревьев и других видов растений и т. д.). Околица – существующая незримо преграда, которую не могут перейти враждебные челове-

ку существа. В овине обитает овинник, характер которого сложен: он может устроить пожар, а может дать хороший примолот, однако важно, что овинник «милостивый» и является покровителем семьи, а следовательно, рода, поэтому он «чужому не выдаст» [Власова, 1995, с. 269]. Засыпает Никита, вероятно, в полдень, о чем косвенно свидетельствует фраза «в избе стало тепер жарко» (с. 129). Таким образом, Никита погружается в сон на пространственно-временном стыке, так как «год и сутки в народных представлениях изоморфны», а все мифологические существа появляются в определенное время: «чаще всего это период между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, закат, сумерки, полдень, то есть “переходные” моменты дня, ночи» [Власова, 1995, с. 19]. Значимым является тот факт, что первым, кого видит Никита после пробуждения, оказывается «новый пастух», который заменил того, который утонул в реке по дороге в «чужую» деревню и превратился в «чужого» петуха, проникшего во двор к мальчику. Пространство, окружающее Никиту, обретает черты «своего», нестрашного, не связанного со смертью.

Окончательная гармонизация окружающего Никиту пространства происходит в момент встречи с отцом, возвращение которого с войны приводит к воссоединению в жизни мальчика мужского и женского начал. Как мы уже отметили, важность мужского начала в художественном мире А. Платонова определяется тем, что род наследуется по мужской линии, именно поэтому отец называет Никиту «сынок», дед спасает «ослабевшего внука», тогда как бабушка никак к нему не обращается, а мать использует диминутивный антропоним «Никитушка». С дедушкой и отцом связаны функции защиты: «Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его» (с. 128), а отец появляется в тот момент, когда Никита пережил страх, связанный с невозможностью спастись от вторжения чужого.

При этом и наличие матери в жизненном пространстве Никиты необходимо: ее присутствие дает ему ощущение неразрывного единства с родным существом (добро наше, отец вернулся к нам, «живи там, а я тут с мамой», «там не страшно, там мать недавно была» (с. 129). Именно мать восстанавливает родственную связь с отцом в сознании Никиты (до момента, пока мать не сказала, что это его «отец домой пришел», мальчик мысленно употребляет по отношению к нему лексему «солдат», «старый солдат» (с. 131). Кроме того, мать является источником пищи: она кормит Никиту горячим ужином, оставляет еду на столе на весь день.

Семантически значимым является прозвище Никиты, придуманное отцом на войне, – Добрый кит. Кит – живородящее млекопитающее, в образе которого прослеживается прямая связь с молоком. В мифологических представлениях земля стоит на трех китах – это основа мира, в соответствии с символикой платоновского рассказа три кита – это дед, отец, сын (внук), унаследовавший их доброту. Согласно словарю В. И. Даля, добрый (о человеке) – это «дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный» (Даль, 1881, т. 2, с. 455). Отец и сын именно благодаря умению делать, трудиться оказываются способными оживить мир вокруг себя.

В рассказе А. Платонова мифологический сюжет о трех китах связан с христианской символикой воскрешения: в Никите воскрешаются дед и отец, т. е. род, а сам Никита стремится воскресить то, что его окружает. Последнее предложение рассказа: «Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век» (с. 133) – фиксирует уверенность в том, что сын будет жить долго, а с ним – род и мир (рождающая земля), в который род человеческий вписан.

После прихода отца с войны, где он выполнял важную работу – защищал от смерти свой род, он возвращает себе функцию хозяина, и всё вокруг перестает быть чужим. Никита оказывается не с миром один (как ему наказывала мать), а вместе с отцом, от которого пахнет «теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей» (с. 133), в мире, который он может, как отец, делать трудом (сравним: в рассказе А. Платонова «Цветок на земле» дед говорит внуку: «Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь» (с. 125)). Никита сообщает всему, что вокруг: «К нам отец пришел. Он век будет с нами вековать» (с. 132), –

и видит реакцию: «во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землей было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет» (с. 132).

Двор в рассказе является аналогом вселенной, поэтому предсказуемо, что после возвращения отец-хозяин берет Никиту за руку и идет по двору, «оглядывая – где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет» (с. 132). Появление отца упорядочивает пространство, преодолевает хаос: «Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Коля в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мертвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше ее не будет» (с. 132). Существа остались, но ни в одном из них нет тайного человека и злой жизни, следовательно, доброта материальна, а зло иллюзорно, оно – выдумка ребенка с признаками сиротства, которое можно преодолеть в результате восстановления кровного или духовного родства.

У дома и двора новый хозяин, не Никита, а отец, который осматривает хозяйство с желанием упорядочить, гармонизировать домашнее пространство (что-то убрать, что-то оставить). Отец идет в сени и начинает работать и приобщает к работе сына, который становится «как взрослый». Гвоздь-человечек добрый, потому что его Никита «сам трудом сработал», а не просто выдумал (с. 133). Осуществление трудовой деятельности для Никиты также своего рода обряд инициации, посвящение в мужчины: А. Платонову важна мысль о том, что оживить можно трудом, так как обработка земли – это труд, благодаря которому земля рождает хлеб.

Маркёром близости отца и Никиты является указание на пространственную соотнесенность мальчика с родителями: вернувшийся отец Никите близок – только с ним у мальчика есть тактильный контакт (отец «поцеловал» его и «ушел на войну» (с. 132), «погладил светлые волосы сына» (с. 133), «взял его себе на руки» (с. 132), «взял Никиту за руку и пошел с ним по двору» (с. 132), «повел сына домой в избу» (с. 133), а мать он всё время видит со стороны – уходящую, сидящую за столом (она «в поле далеко» (с. 129), «попросил далекую мать» (с. 131)), между ними всегда есть расстояние, поэтому и рядом с ней он один. На наш взгляд, это объясняется тем, что образ матери связан не с пространством, а со временем: при упоминании матери в тексте обычно возникает указание на время: «Рано утром мать уходила со двора в поле на работу» (с. 126), «каждый день мать ожидала» (с. 126), «к вечеру мать вернется» (с. 126), «мать недавно дома была» (с. 129), «у матери недавно пропали ножницы» (с. 127), «время позднее, и мать Никиты давно ушла с поля ко двору» (с. 131) и т. д. Возникает ощущение, что мать с сыном находятся в разном времени и по-разному воспринимают его – в реальном мире матери время измеряется трудоднями («Мама, иди домой! – попросил Никита далекую мать. – Пускай тебе половину трудодня запишут» (с. 131), в выдуманном мире Никиты жизнь измеряется движением солнца по небу, в связи с чем важен образ петуха – символа света и солнца [Уваров, 1908, с. 197–199], который своим криком способен прогнать мрак и нечистую силу. В тексте рассказа два петуха – свой и соседский, которые являются семантическими частями оппозиции «свой – чужой» и связаны с возможностью перевоплощения мертвого в живое (традиционно петух – символ воскресения [Уваров, 1908, с. 198]) и наоборот, поэтому Никита должен следить, «чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха» (с. 126). При этом «чужим» петухом становится утонувший знакомый (а значит, свой) пастух, который шел «в чужую деревню» (с. 129). Здесь оппозиция «свой – чужой» коррелирует с оппозицией «жизнь – смерть», поэтому для мальчика становится потрясением, когда происходит смена полярностей, в результате чего свое пространство – пространство дома и двора со своими жителями – превращается в чужое, и «глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из черной застрехи сарая» (с. 130).

До появления отца мать ни разу не обращается к Никите, используя термин родства, только автор многозначительно замечает, что «мать не услышала сына» (с. 131). С приходом отца всё меняется – дважды А. Платонов использует наименование по родственному признаку («Отец повел сына домой в избу» (с. 133), «Отец погладил светлые волосы сына» (с. 133)), поскольку автору важно показать, что семья, а в целом род – основа мироздания, но наиболее важным является обращение отца к Никите, в котором он совмещает термин родства с прозвищем: «Давай, сынок, – согласился отец. – Давай, добрый Кит» (с. 133). Издревле сын является продолжателем, наследником и защитником рода, а кит в космогонических представлениях – символ устойчивости, прочности и стабильности миропорядка (сравните: Чудо-юдо Рыба-кит в сказке П. Ершова). Прозвище *Кит* впервые возникает в сознании отца на войне в связи с его желанием обрести гармонию, вернувшись к основам мироздания, а значит, преодоление смерти возможно только через продолжение рода, где сын – тот самый Кит, на котором будет держаться новый мир.

Таким образом, оппозиция «жизнь – смерть» приобретает у А. Платонова дополнительный смысл, включая в себя противопоставление «родство – сиротство»: живым остается тот, кто в родстве с миром, а сиротство, воспринимаемое как отстранение от мира, утрата связи с ним, подобно смерти. Стремление Никиты наделить окружающие его предметы одушевленностью, разумом и чувствами вызвано особым отношением ребенка к проблеме жизни и смерти, его желанием победить смерть, «оживить» мертвых и понять свое место в мире. Даже грамматическое согласование («дедушка-солнце показался из-за облака») обусловлено персонификацией, что свидетельствует о доминировании не только в мире героя, но и в мире автора «живого» над «неживым». Приход настоящего хозяина возвращает равновесие не только в детский, но и во взрослый мир, показателем чего является обретение предметами и явлениями, включенными в оппозицию «свое – чужое», прежних функций: например, кривые гвоздики, сработанные Никитой, также преодолевают сиротство, превращаясь в добрых человечков, предназначение которых – держать доски, отделяющие мир живых от мира мертвых.

Список литературы

- Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
- Бугакова Н. Б., Скуридина С. А., Кузьминых Е. О.** Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. № 43 (2). С. 199–205. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205
- Власова М.** Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Ил. словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 318 с.
- Грязнова А. Ю.** Сюжет сиротства в творчестве Андрея Платонова // Русская литература и философия: постижение человека: Материалы III Всерос. науч. конф. (Липецк, 8–10 октября 2009 г.). Липецк, 2011. С. 111–116.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Исупов К. Г.** Русская эстетика истории. СПб.: Изд-во Высших гуманитарных курсов, 1992. 155 с.
- Корниенко Н. В.** Комментарии // Новый мир. 1991. № 9. С. 58–74.
- Пименова М. В., Мошина Е. А.** Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 138–151. DOI 10.17223/18137083/76/11.
- Скуридина С. А., Бугакова Н. Б., Кузьминых Е. О.** Земля как мифопоэтическая константа Ф. М. Достоевский, А. Платонов. И. Шмелев // Изв. Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 3. С. 21–34. DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-21-34

- Спиридонова И. А.** Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 514–536.
- Толстая С. М.** Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.
- Уваров А. С.** Христианская символика // [Соч.] Гр. А. С. Уварова. Символика древнехристианского периода. Посмерт. изд. Ч. 1. [Предисл.: гр. Уварова]; [ред.: В. Айналов, Е. Редин]. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1908. XII, 212 с.
- Яблоков Е. А.** Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х – начала 1930-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 55–71.
- Яблоков Е. А.** Делать людей бы из этих гвоздей: рассказ А. П. Платонова «Никита» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 5. С. 32–38. DOI 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38

Список источников и словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882.
- Платонов А. П.** Никита // Платонов А. П. Сухой хлеб: Рассказы, сказки / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2012. 416 с.

References

- Baiburin A. K.** Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in The Rituals and Representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka, 1983. 191 p. (in Russ.)
- Bugakova N. B., Skuridina S. A., Kuzminykh E. O.** Antroponimikon i terminy rodstva v rasskaze A. Platonova “Nikita” [Anthroponymicon and Kinship Terms in A. Platonov’s Short Story “Nikita”]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya [Issues of journalism, pedagogy, and linguistics]*, 2024, no. 43 (2), pp. 199–205. (in Russ.) DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205
- Gryaznova A. Yu.** Syuzhet sirotstva v tvorchestve Andreyana Platonova [The Plot of Orphanhood in The Works of Andrei Platonov]. In: *Russkaya literatura i filosofiya: postizhenie cheloveka [Russian literature and philosophy: comprehension of man]. Materials of the III All-Russian Scientific Conference (Lipetsk, October 8–10, 2009)*. Lipetsk, 2011, pp. 111–116. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 530 p. (in Russ.)
- Isupov K. G.** Russkaya estetika istorii [Russian Aesthetics of History]. St. Petersburg, Publishing House of Higher Humanitarian Courses, 1992, 155 p. (in Russ.)
- Kornienko N. V.** Kommentarii [Comments]. *Novyi mir [The New World]*, 1991, no. 9, pp. 58–74. (in Russ.)
- Pimenova M. V., Moshina E. A.** Mifologema Mat'-syra-zemlya v russkoi yazykovoi kartine mira [The Mythologeme of the Mother Cheese-the Earth in The Russian Linguistic Picture of the World]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2021, no. 3, pp. 138–151. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/11
- Skuridina S. A., Bulgakova N. B., Kuzminykh E. O.** Zemlya kak mifopoeticheskaya konstanta F. M. Dostoevsky, A. Platonov. I. Shmelev [The Earth as a Mythopoetic Constant F. M. Dostoevsky, A. Platonov, I. Shmelev]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [The Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences]*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 21–34. (in Russ.) DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-21-34
- Spiridonova I. A.** Motiv sirotstva v “Chevengure” A. Platonova v svete khristianskoi traditsii [The Motive of Orphanhood in A. Platonov’s *Chevengur* in the Light of the Christian Tradi-

tion]. *Problemy istoricheskoi poehtiki* [Problems of historical poetics], 1998, no. 5, pp. 514–536. (in Russ.)

Tolstaya S. M. Kategoriya rodstva v etnolingvisticheskoi perspektive [Category of Kinship in The Ethno-linguistic Term]. In: *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture* [Category of kinship in language and culture]. Moscow, 2009, pp. 7–22. (in Russ.)

Uvarov A. S. Khristianskaya simbolika [Christian Symbolism]. Op. Gr. A. S. Uvarov. The symbolism of the ancient Christian period. Posthumous ed. Pt. 1. [Preface: gr. Uvarov]. Ed. by V. Ainalov, E. Redin. Moscow, Type by G. Lissner and D. Sobko, 1908, XII, 212 p. (in Russ.)

Vlasova M. Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: Il. slovar' [The New ABEVEGA of Russian Superstitions: An illustrated Dictionary]. St. Petersburg, North-West Publ., 1995, 318 p. (in Russ.)

Yablokov E. A. Delat' lyudei by iz etikh gvozdei: rasskaz A. P. Platonova "Nikita" (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [To Make People out of These Nails: The Story of A. P. Platonov *Nikita* (To the 120th anniversary of his birth)]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 32–38. (in Russ.) DOI 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38

Yablokov E. A. Khudozhestvennaya filosofiya prirody (tvorchestvo M. Prishvina i A. Platonova serediny 1920-kh – nachala 1930-kh godov) [The Artistic Philosophy of Nature (The Works of M. Prishvin and A. Platonov in The Mid-1920s – Early 1930s)]. In: *Sovetskaya literatura v proshlom i nastoyashchem* [Soviet literature in the past and present]. Moscow, 1990, pp. 55–71. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

Dahl V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vols. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Press, 1880–1882. (in Russ.)

Platonov A. P. Nikita [Nikita]. In: *Platonov A. P. Sukhoi khleb: Rasskazy, skazki* [Dry Bread: Stories, Fairy Tales]. Comp., text prep., comment. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya Publ., 2012, pp. 126–133. (in Russ.)

Информация об авторах

Светлана Анатольевна Скуридина, доктор филологических наук, профессор

RSCI Author ID 654307

SPIN 5975-9507

Елена Олеговна Кузьминых, кандидат филологических наук, доцент

RSCI Author ID 1042031

SPIN 7550-3566

Надежда Борисовна Бугакова, доктор филологических наук, доцент

RSCI Author ID 665430

SPIN 1080-8136

Information about the Authors

Svetlana A. Skuridina, Doctor of Sciences (Philology), Professor

RSCI Author ID 654307

SPIN 5975-9507

Elena O. Kuzminykh, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

RSCI Author ID 1042031

SPIN 7550-3566

Nadezhda B. Bugakova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
RSCI Author ID 665430
SPIN 1080-8136

Вклад авторов:

- С. А. Скуридина – разработка концепции исследования, анализ ономастического кода и терминов родства.
Е. О. Кузьминых – сбор оригинального материала, анализ христианского и мифологического «кодов» рассказа.
Н. Б. Бугакова – сбор исходного материала, выявление биографических предпосылок создания рассказа и выбора к нему библионима, редактирование текста.

Contribution of the Authors:

- Svetlana A. Skuridina – development of the research concept, collection of original material, analysis of the onomastic code.
Elena O. Kuzminykh – collection of original material, analysis of Christian and mythological “codes”.
Nadezhda B. Bugakova – collection of source material, identification of biographical prerequisites for the creation of the story, text editing.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2024;
одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted on 12.07.2024;
approved after reviewing on 11.10.2024; accepted for publication on 21.10.2024*